

ВАНДЕЯ: БЕЛОЕ ЗНАМЯ ПРОТИВ ТРИКОЛОРА

К 231-й годовщине взятия Бастилии

Вандейская война относится к самым трагическим и кровавым страницам истории Французской революции. Начавшись в марте 1793 года восстанием крестьян, взбунтовавшихся против набора рекрутов в армию Республики, она догорела лишь в 1815 году, во время Ста дней Наполеона Бонапарта, императора, строившего свою империю под трехцветным знаменем революции. Над Францией снова взвилось белое знамя Бурбонов, то самое, которое гордо разворачивали вандейские крестьяне, идя в бой за Бога и Короля. Война французов против французов велась с невероятной жестокостью, героизм и *синих* (так называли солдат республиканской армии за их синие мундиры), и *разбойников* (так называли республиканцы вандейских мятежников) тонул в потоках крови, пролитой жертвами с обеих сторон.

Историки еще долго будут анализировать, почему одна часть народа, ради и во имя которого совершалась революция, выступила против этой революции, а другая часть народа принялась безжалостно уничтожать своих противников, нередко даже отказываясь видеть в них людей. «Комитет общественного спасения подготовил целый ряд мер, направленных на уничтожение этой мятежной породы, — заявлял с трибуны Конвента Бертран Барер. — Уничтожьте Вандею, и Валансьен освободится от австрийцев. Уничтожьте Вандею, и Рейнская область будет освобождена от пруссаков. Уничтожьте Вандею, и англичане больше никогда не займут Дюнкерк. Вандея, и еще раз Вандея, вот та язва, что разъедает сердце Республики! Разите же без пощады!»

Якобинцы, воспитанные на трудах Руссо, прославлявшего «естественного человека», не только с остервенением истребляли мятежных вандейских крестьян от мала до велика, но и местных республиканцев, поддерживавших новую власть. Солдаты Республики поджигали поля, урожай и домашний скот, оставляя после себя выжженную землю, хотя в это время Париж остро нуждался в продовольствии. Даже генерал Лекинио, посланный Конвентом наводить порядок в Ла Рошели и Рош-

форе, пишет в своих воспоминаниях: «Двое крестьян... простодушно заявили, “что если бы не убивали и не поджигали поля, война бы уже кончилась” И я думаю так же, как они».

Мятеж в Вандее, департаменте на западе Франции, территория которого охватила части прежних провинций Бретань, Анжу и Пуату, разбивал просветительское представление о добродетельном от природы народе, только и ждущем, когда просвещенные умы принесут ему свет воспитания в революционном духе. «Все усилия некоторых великих умов привлечь к общественной жизни и процветанию эту прекрасную область Франции, богатую неразведанными сокровищами, и даже все попытки правительства разбиваются о косность населения, преданного мертвящим обычаям седой старины. Эту беду довольно легко объясняет характер местности, изрезанной оврагами, потоками, озерами и болотами; вздыбленная повсюду щетина живых изгородей, своего рода земляные бастионы, превращающие каждое поле в крепость. <... > Гористая поверхность края и суеверия его жителей мешали возникновению больших поселений, а следовательно, благодетельному воздействию общения и обмена идей. Здесь нет деревень. Непрочные постройки, именуемые здесь дворами, разбросаны в одиночку. Каждая семья живет в своем дворе, как среди пустыни», — писал Оноре де Бальзак. И этих людей, непривычных к общественным формам жизни, усиленно насаждаемым революцией, по словам писателя, отличали «невероятная жестокость, дикое упрямство, но вместе с тем верность клятве; полное пренебрежение нашими законами, нашими нравами, нашей одеждой, нашей новой монетой, нашим языком и вместе с тем патриархальная простота и героическая доблесть»¹.

Крестьяне составляли подавляющее большинство населения Вандеи, больших городов в департаменте не было — за исключением его столицы Нанта. Раскинувшийся в устье Луары, этот купеческий город разбогател на колониальной торговле. Среди городского населения насчитывалось немало протестантов, обосновавшихся там со времен осады Ла Рошели. Революция довершила восстановление гугенотов в правах, которых их лишил Людовик XIV, отменив Нантский эдикт, поэтому они в большинстве своем встали на сторону революции. Присутствие протестантов еще более усугубляли неприязнь между горожанами и жителями деревень.

Главным авторитетом для крестьянина, трудившегося на своем поле, границами которого зачастую выступал густой, посаженный

¹ Оноре де Бальзак «Шуаны», пер. Н. Немчиновой

самой природой, кустарник, был сельский кюре, католический приходской священник. Он являлся не только авторитетом, духовным наставником (который по-прежнему очень не любил гугенотов), но и своего рода посредником между сельской общиной и внешним миром. Раз в неделю крестьяне непременно встречались в церкви на воскресной службе и после вознесения молитвы Господу обсуждали и решали текущие дела.

Революция, известие о которой западные провинции встретили достаточно спокойно, стремительно набирала обороты, жестко и непрощено разрушая традиционный уклад сельской жизни. Новое деление страны на 83 департамента перечеркнуло издавна сложившиеся границы провинций. (А было предложение и вовсе поделить страну на равные, квадратные департаменты...) Церковная реформа не только выставила на продажу конфискованное у церкви имущество, но и обязала священников приносить присягу на верность государству. В стремлении во всем соблюдать равенство перекраивали территории церковных приходов.

Подобные меры не могли не вызвать ответных протестов, ибо они разрушали издавна заведенный миропорядок, в котором Бог и его служители занимали особое место, никак не связанное с государством. Поэтому, когда государство присылало на место не присягнувшего кюре «своего», присягнувшего священника, не владевшего местным бретонским языком, прихожане начинали выживать «чужака». Не присягнувшие священники уходили в леса, где тайно, по ночам, проводили службы. Распродажа национальных имуществ во многих уголках Франции превратила третье сословие, являвшееся движущей силой революции, в сословие собственников. Но в Вандее этого не произошло, там, напротив, лишь усугубился раскол между крестьянами, не имевшими денег на приобретение собственности, и горожанами, скупавшими эту собственность.

Казнь короля 21 января 1793 года по приговору Национального Конвента нанесла еще один сильнейший удар по привычному крестьянскому миропорядку, в котором королевская власть являлась символом стабильности земных устоев, размеренного вращения колеса повседневности. Вместе с королевской властью стала исчезать и «звонкая монета», замененная постоянно дешевевшими бумажками. Последней каплей в море недовольства стал объявленный Конвентом трехсоттысячный набор в армию Республики.

Вандея взялась за оружие стихийно, вожди появились не сразу, их выбирали сами мятежники, обращавшиеся в основном к местным дворянам, известным своей преданностью королю. Постепенно мятежные отряды стали обретать организованную форму, образовав Католическую Королевскую армию. Среди наиболее известных вандейских генералов — маркиз Луи де Лескюр, Франсуа Атаназ де Шаретт, принц де Тальмон, Морис Жиго д'Эльбе, Анри де Ларош-жаклен, Шарль де Боншан, Жан Николая Стоффле, Жак Кателино и Жорж Кадудаль. Шестеро дворян и трое из третьего сословия.

Королевская Католическая армия несколько не походила на регулярное войско; она то рассыпалась на отряды, то снова собиралась, несла тяжелые потери и вбирала в себя новых, необученных людей без оружия (его приходилось добывать у неприятеля), способных самовольно покинуть строй, потому что настала пора полевых работ, а дом и поле совсем рядом. В вождях также не было согласия, каждый совет становился ареной не только споров по тактике, но и борьбы самолюбий. Лучше всего вандейская армия была приспособлена для ведения партизанской войны, ибо составлявшие ее местные жители знали в лесах и болотах каждую тропку и умели мгновенно растворяться среди зарослей и холмов.

Тем не менее, командиры решили идти на Нант, хотя операция была заведомо провальной: крестьянская армия не была обучена штурмовать города. В Нант, являвшийся воротами, через которые могли вторгнуться англичане, Конвент для поднятия боевого духа и усмирения жителей, сочувствовавших вандейцам, послал своих комиссаров, среди которых особой жестокостью отличался Каррье. Наступление мятежников провалилось, а Каррье в своем донесении писал: «Разбойники полностью разгромлены, наши солдаты убивают их, берут в плен и сотнями доставляют в Нант. Гильотина не справляется, я приказал расстреливать их. Из соображений человечности я очищаю землю свободы от этих чудовищ».

«Вандеец нехотя покидает свой лесистый край. Он знает, что его преимущество заключается прежде всего в природном рельефе местности, которую он знает как свои пять пальцев; у себя в краю он лучший воин в Европе, но за его пределами он ничто», — писал генерал Тюрро, назначенный в начале 1794 года командующим Западной армией Республики, брошенной на подавление Вандейского мятежа. Раздраженный отсутствием дорог, тонущими в грязи пушками,

партизанской войной без правил, Тюрро решил зажать мятежников в огненные клещи и, разделив армию на две части, приказал ей двигаться с запада и востока, уничтожая все на своем пути, включая женщин и детей. Карательные отряды Тюрро получили название адских колонн. Но даже они не смогли полностью подавить мятеж.

Первый историк Вандейской войны Альфонс де Бошан писал в начале позапрошлого века, что за время военных действий было истреблено четверть населения Вандей. Современный французский историк Эмманюэль Ле Руа Ладюри пишет, что в те времена погибло 23% жителей Вандей: 175 000 при общем населении в 770 000. В любом случае страшные цифры.

Бесценные свидетельства эпохи — воспоминания очевидцев, особенно когда речь заходит о таких величайших событиях, как Французская революция, трагической страницей которой является Вандейская война. Мемуаров об этой войне со стороны вандейцев по понятным причинам сохранилось мало. Вожди погибли, крестьяне в массе своей были неграмотны... Среди немногих записок ее участников сохранились воспоминания отважной кавалерист-девицы Рене Бордеро. До самого конца войны она столь отважно воевала в мужском платье, что никто даже не подозревал о ее принадлежности к слабому полу — кроме тех редких случаев, когда ей самой приходилось раскрывать свой секрет. О Рене Бордеро (1770–1828), в сущности, известно только то, что она сама рассказала, а точнее, надиктовала о себе по просьбе мадам де Ларошжаклен и мадам Шастелле. Не упомянула Рене Бордеро лишь о том, что, выйдя из тюрьмы в 1814 году, в 1815-м она из рук герцога Беррийского из дома Бурбонов получила орден Лилии.

Буднично, без лишних эмоций Рене Бордеро рассказывает о братоубийственной гражданской войне, в которой она твердо заняла свою сторону и не отступала ни перед чем и никогда. И от ее сухого, местами даже путаного изложения, события приобретают еще более трагическую окраску.

Воспоминания Рене Бордеро приводятся с небольшими сокращениями.

Елена МОРОЗОВА